

УДК 165.0

Принципы конструктивизма в герменевтической эстетике Г.-Г. Гадамера

Агафонова Ольга Васильевна

Кандидат философских наук, доцент,
начальник кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Аннотация

В статье дан анализ специфики герменевтической эстетики Г.-Г. Гадамера в контексте идей эпистемологического конструктивизма. Актуальность темы исследования видится в отказе от классических форм философского дискурса, необходимости переосмысления проблемы понимания в целом и определении значения таких вненаучных способов познания человеком мира, как художественное творчество. Автором показано, что в философской герменевтике понимание рассматривается как способ бытия человека, открывающий предельные смыслы. Так, в процессе понимания человек не воспроизводит, реконструирует замысел автора, а создает, познавательно конструирует собственный смысл. При этом «круг понимания», в котором субъекты открывают общий смысл, определяет возможность подступов к онтологическому статусу истины. Выявлено, что искусство Гадамер трактует как наиболее эффективный способ понимания, т. к. восприятие художественного произведения конструирует свое собственное настоящее, смысл которого, зачастую, не совпадает с замыслом создателя. При этом эстетическое высказывание понятийно неисчерпаемо, открыто для бесконечного развертывания смыслов, а приобщение к художественному творчеству прошедших эпох предполагает новое познавательное усилие как очную ставку в ожидании актуального смысла. Всеобщие связи бытия скрыты не только от обыденного рассудка, но зачастую и от теоретического разума, а язык искусства определяет неисчерпаемость смысла, в единичном произведении или образе выражает всеобщие символические черты действительности.

Для цитирования в научных исследованиях

Агафонова О.В. Принципы конструктивизма в герменевтической эстетике Г.-Г. Гадамера // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 12А. С. 3-10.

Ключевые слова

Г.-Г. Гадамер, герменевтика, понимание, эпистемологический конструктивизм, эстетика, искусство, истина, герменевтический круг, конфликт интерпретаций, событие.

Введение

Несомненным парадоксом техногенной цивилизации является мультипарадигмальный, диалогический характер мировоззрения современного человека, основанного на синтезе различных эпистемологических стратегий. Анализируя вслед за Г.-Г. Гадамером истоки герменевтики, В.С. Малахов справедливо отмечает, что она актуализируется всякий раз в периоды кризисов, «сотрясения основ, разрушения «естественных» очевидностей сознания, расстройства складывавшихся столетиями связей» [Малахов, 1991, 334]. В современной культуре своеобразной «пороговой» ситуацией, определяющей новый когнитивный поворот, несомненно, становится отказ от однозначности системы и метода, а также от идеи о господствующем положении разума и науки, основанной на экспериментально-математическом естествознании. В связи с этим, в последние десятилетия наблюдается коренное изменение проблематики эпистемологии, отказ от классических форм философского дискурса, основанного «на понимании бытия как присутствия» [Сапрыкина, 2014, 141]. Так, основными положениями философии конструктивизма являются признание несводимости процесса познания к отражению объективного мира, значение активной, конструирующей роли субъекта, социальной обусловленности знания и плюралистического характера истины.

Подобные идеи привели современную теорию познания к необходимости переосмысления проблемы понимания в целом. Так, Гадамер определял герменевтику как «искусство изъяснять и передавать путем собственного истолковательного усилия то, что сказано другими и живет в нашей традиции» [Гадамер, 1991, 259]. Неслучайно, специфическими чертами философского творчества самого философа являются вопросительный характер, дискуссионность, отсутствие дефиниций, дидактизма, строгой иерархии идей и единого метода, ведущего к абсолютной истине. Выступая против наукообразия и абстрактного теоретизирования, Гадамер вслед за своими современниками определяет переход от законченной системы философии к динамическому поиску открытого философствования.

Понимание как конструкция смысла

Известно, что Г.-Г. Гадамер рассматривал герменевтику в контексте многовековой традиции истолкования текстов, восходящей к мифическому толмачу Гермесу. Но в отличие от своих предшественников, философ утверждает первичность герменевтики, определяющей суть философии. Неслучайно предметом его анализа является герменевтический характер философского знания, в котором понимание становится неустранимым, сущностным принципом. Более того, определение специфики понимания дает обоснование актуальности других вненаучных способов познания, например, художественного творчества.

Уже в «экзистенциальной герменевтике» М. Хайдеггера понимание трактуется как определяющая характеристика существования, способ бытия человека, открывающий предельные смыслы. Гадамер утверждает, что «феномен понимания пронизывает все связи человека с миром» [Гадамер, 1988, 38]. Можно сказать, что в парадигме мыслителей XX века истолкование превращается в экзистенциальное действие, не предполагающее выхода из круга понимания. Так, Гадамер отказывается от традиционной субъект-объектной структуры, в которой интерпретация является предпосылкой, а понимание становится итогом процесса познания. Философ утверждает, что понимание и интерпретацию невозможно разделить, т. к.

субъект изначально имманентен познаваемому миру и обладает «предпониманием». При этом исследовательской задачей становится не определение границ, масштабов или критериев, определяющих гарантии истинности, а ответ на «вопрос, как понимание вообще возможно, каковы условия, при которых оно осуществляется» [Малахов, 1991, 327].

Методологической основой возвышения вопрошания до онтологического уровня при этом становится феноменологическая редукция как установка на очищение сознания от натуралистических, обыденных или некритических суждений. Так, по Гадамеру, в процессе понимания необходимо избегать отсылок к иным явлениям, а также воздерживаться от сведения смысла к замыслу. Из этого следует вывод, об иллюзорности реконструктивно-эмпатической традиции, интерпретирующей текст на основе имеющихся исторических и культурных данных. Отрицая возможность преодоления культурного барьера, «перемещения» посредством сочувствия и сопереживания интерпретатора автору, философ призывает отказаться от реконструкции безвозвратно ушедшего прошлого, присутствие в котором не только невозможно, но и лишено смысла. Историческая дистанция становится преимуществом, позволяющим «задать новые смыслы сообщением автора» [Микешина, 2002, 311]. Продумывание дистанции между «своим» и «чужим» направлено, в конечном итоге, на применение сообщения творца к новой личностной ситуации.

Таким образом, с точки зрения герменевтики Гадамера, в процессе понимания человек не воспроизводит, реконструирует замысел автора, а создает, познавательно конструирует собственный смысл. Это определяет принцип многообразия, «двусмысленности» интерпретации, в рамках которой нет единого верного истолкования или абсолютной истины. Интерпретация неverifiedируема, но требует обоснования через определение влияния на значение и смысл текста таких его скрытых элементов, как неявные идеи и предрассудки, довербальные и дорефлексивные феномены.

Более того, проблема достижения истины в данном контексте не связана с поиском адекватного метода, а рассматривается онтологически как возможность проявления бытия для понимающего субъекта [Рикёр, 2002, 40]. Так, П. Рикёр соединяет истину и метод через взаимосвязь рефлексивного, семантического и экзистенциального в интерпретации. Он утверждает, что не только множественность, текстуальная полисемия, но и возможный конфликт интерпретаций необходимо рассматривать как достоинство понимания.

Размышляя о сущности понимания, Г.-Г. Гадамер высказывает антипсихологическую позицию, в рамках которой следует интерпретировать не мнение или личность автора, а суть и предмет его мысли, пророчески раскрывающей объективное, онтологическое содержание. Можно сказать, что философ «смещает фокус проблемы понимания с личности на смысл» [Сидорова, 2009, 138]. Тем самым философ выступает против эпистемологического принципа классической философии, объявившей субъективный разум источником смысла. Неслучайно, еще одной специфической категорией герменевтики становится «круг понимания», смысл которого «не в том, что души таинственно сообщаются между собой, а в том, что они причастны к общему смыслу» [Гадамер, 1991, 73]. Поэтому с началом новоевропейского индивидуализма целью герменевтики становится преодоление псевдопонимания и возможность подступов к онтологическому статусу истины. Для этого Гадамер утверждает историчность, укорененность мышления субъекта в традиции, носящей бытийный характер и обосновывающей параллельность существования субъекта и объекта.

Человеческое бытие уникально, ситуативно и исторично. Оно имеет начало и конец

собственной судьбы, не может быть сведено к предшествующему и последующему опыту, встраивается в культурный контекст и в то же время выпадает из него. Невозможно, гипертрофируя память, жить только прошлым, но и его абсолютное отрицание приводит к самозабвению в настоящем. Поэтому в герменевтическом дискурсе история есть «событие» определяющее слияние «тогда» и «теперь», не прошлое, но то, что происходит в настоящем. Таким образом, традицию необходимо рассматривать как присутствия истории в современности.

При этом многообразные формы культурного опыта закрепляются в языке. Понимание является, прежде всего, поиском общего, связующего частные практики языка традиции, который исполняет роль всеобщего универсального посредника, логоса, удерживающего целостность исторического бытия людей. Богатство языковой традиции становится источником истолкования мира в его вербальном выражении. Можно сказать, что герменевтический опыт распространяется на все области, в которых возможно осмысленное высказывание, выраженное с помощью языка. Отсюда, по мнению Гадамера, встает вопрос о языке искусства и применимости идей герменевтики к эстетическому опыту.

Искусство как интеллектуализированное удовольствие

Оценивая сущность искусства в контексте основополагающих идей герменевтики Г.-Г. Гадамер, прежде всего, обращает внимание на его эпистемологическое значение в качестве не очевидного, но наиболее эффективного способа понимания, преодоления разрыва между духом и духом. Так, он подчеркивает, что еще Гегель рассматривал искусство как форму самопознания абсолютного духа в истории человеческой культуры, которая очищена от случайностей и обыденных фактов. Художественное творчество обращается к человеческому существу с доверительной и непосредственной силой, а потому «всякая встреча с произведением искусства равнозначна нашей встрече с нами самими» [Гадамер, 1991, 256]. Отсюда специфической особенностью эстетического познания становится абсолютная одновременность, коммуникативно преодолевающая первоначальный исторический горизонт. Восприятие произведения искусства не переносит созерцателя в реальность другой эпохи, а, напротив, конструирует свое собственное настоящее, смысл которого, зачастую, не совпадает с замыслом создателя.

Таким образом, по утверждению Гадамера, художественное высказывание понятийно неисчерпаемо, говорит само о себе, открыто для бесконечного развертывания смыслов. Его сущность и неповторимая актуальность видится философу в том, что оно всегда принадлежит вневременному настоящему. Эстетический образ как специфическая форма познавательной конструкции становится способом актуализации художественного произведения, вновь и вновь открывающегося для новой интерпретации.

При этом открытость и широта восприятия эстетического ограничиваются уместностью и всеобщей значимостью суждений вкуса, независимых от практической пользы и доводов рассудка. Так, на основании кантовской категории незаинтересованного наслаждения, Гадамер делает вывод о том, что именно прекрасное в искусстве как интеллектуализированное удовольствие является преимущественным способом познания человеком мира. Так, материальная гармония форм или красок в природе не раскрывает нам вневременной данности смысла. Природная красота есть только отблеск эстетической, т. к. наш обыденный вкус всегда

обусловлен художественными тенденциями эпохи, а также образовательным уровнем человека.

Известно, что И. Кант отделял эстетическую способность суждения, определяемую, по его мнению, природными задатками, от познания [Тауснева, 2016, 68]. По Гадамеру, произведение искусства, напротив, обращается к нам и, потому, требует нашего понимания. При этом «памятники искусства» не преследуют цель документального свидетельства о прошлом опыте, не являются историческими документами. Они вербальными или внеязыковыми средствами обращаются к каждому человеку, требуют понимания смысла как современные ему явления. Таким образом, открытие другого мира через приобщение к художественному творчеству прошедших эпох предполагает не перенесение в авторскую эпоху, не историческую реконструкцию и простую фиксацию очевидного содержания, а всякий раз новое познавательное усилие как очную ставку в ожидании актуального смысла. Возможность обнаружения сокрытого определяет онтогносеологический характер художественного познания, в котором человек, не только встречается с собственной сущностью, но и интегрирует ее в процессе самопознания в целостную картину мира.

Следует отметить, что, по мысли Гадамера, обдумыванию подлежат не средства художественного высказывания. Адресат полностью «сосредоточивается на том, что ему тут говорится, и это ему основательно мешает перейти к дистанцированному эстетическому восприятию» [Гадамер, 1991, 263]. Действительно, невозможно воспринимать произведение только чувственно, чисто эстетически, не замечая актуального содержания. Поэтому в искусстве восприятие средств передачи информации носит вторичный характер, как и в беседе, проходящей лицом к лицу. Это опровергает доводы антикогнитивистов, да и сторонников «чистой» эстетики о том, что познание «не является первичной функцией искусства» [Панаиотиди, 2009, 28] и не определяет его главную ценность. В своей герменевтической эстетике Гадамер неоднократно показывает уникальную специфику эстетического как особого вида знания, основанного на конструктивной взаимосвязи чувственного и рационального, единичного и всеобщего. Философ преодолевает замкнутость эстетической истины на художественном произведении в его изначальном, авторском и конкретно-историческом контексте. Напротив, актуальная художественная истина многообразна, бесконечна и в процессе дискурсивного диалога творится всякий раз заново.

Эстетику Гадамер признает важнейшей частью герменевтики, имеющей всеобъемлющие свойства. Учитывая символический характер познания, необходимо признать, что любое явление указывает на нечто иное. Но эти всеобщие связи бытия скрыты не только от обыденного рассудка, но зачастую и от теоретического разума. Язык искусства определяет неисчерпаемость смысла, который не сводится к субъективной авторской позиции, а в единичном произведении или образе выражает всеобщие символические черты действительности. Так, используя особые эстетические приемы, художник выражает настроение, «которое представляется ему новой формой всеобщего взаимопонимания, солидарности» [Гадамер, 1991, 274]. Тем самым, художественное творчество, выходя за пределы собственно искусства, доверительно призывает к крушению привычного настоящего и задает необходимость будущих трансформаций человеческой жизни.

Эстетический опыт является особой формой познания человеком мира, обращающейся к чувствам, но не сводимой к рецепции. Имея продуктивный потенциал, он «делает изменчивым внутренний мир самого исследователя» [Скворцов, 2015, 163], который в конкретном художественном явлении способен узреть вечную истину. В конечном итоге, великие

художественные достижения способствуют эстетизации социальной среды, определяют стилистическую универсальность познаваемого человеком мира. Таким образом, в герменевтической перспективе эстетический опыт обретает онтологический статус, т. к. произведения искусства взаимодействуют с репрезентируемой ими реальностью, качественно преобразуя субъекта познания.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного выше анализа в герменевтической эстетике Гадамера можно выявить идеи, соответствующие основополагающим принципам эпистемологического конструктивизма. Так, понимание превращается в экзистенциальное действие, трактуется философом как определяющая характеристика существования, способ бытия человека, открывающий предельные смыслы мира. В процессе понимания человек не воспроизводит, реконструирует замысел автора, а создает, познавательно конструирует собственный смысл, что определяет принцип многообразия интерпретации. Поэтому целью герменевтики становится преодоление псевдопонимания и возможность подступов к онтологическому статусу истины через укорененность мышления субъекта в традиции, носящей бытийный характер и обосновывающей параллельность существования субъекта и объекта.

Искусство рассматривается Гадамером как наиболее эффективный способ понимания, т. к. восприятие художественных произведений конструирует свое собственное настоящее, смысл которого, зачастую, не совпадает с замыслом создателя. Художественная истина многообразна, бесконечна и в процессе дискурсивного диалога творится каждый раз заново. Произведения искусства взаимодействуют с представляемой ими реальностью, тем самым эстетическое познание, основанное на конструктивной взаимосвязи чувственного и рационального, единичного и всеобщего, обретает онтологический статус.

Библиография

1. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 266–323.
2. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 72–81.
3. Гадамер Г.-Г. Эстетика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 256–265.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Малахов В.С. Философская герменевтика Ганса Георга Гадамера // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 324–336.
6. Микешина Л.А. Философия познания. Полемика главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
7. Панайотиди Э.Г. Эстетический когнитивизм и проблема художественной истины // Вестник РУДН, серия «Философия». 2009. № 2. С. 28–35.
8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. 624 с.
9. Сапрыкина Е.В. Конструктивизм и проблема понимания в современном философском знании // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. С. 140–143.
10. Сидорова У.В. Понимание как герменевтический феномен в философии Х.Г. Гадамера // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 9 (142). С. 136–140.
11. Сковрцов И.С. К высказыванию Г.-Г. Гадамера: «В художественном опыте мы видим действие подлинного опыта...». Феномен эстетического опыта в философской герменевтике // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7, № 5, часть 1. С. 161–164.
12. Тауснева А.С. Эстетическая теория И. Канта в свете герменевтического проекта Х.-Г. Гадамера // Кантовский сборник. 2016. № 2. С. 67–71.

Principles of Constructivism in the Hermeneutic Aesthetics of H.-G. Gadamer

Ol'ga V. Agafonova

PhD in Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
160002, 2, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Abstract

The article analyzes the specifics of H.-G. Gadamer's hermeneutic aesthetics in the context of the ideas of epistemological constructivism. The relevance of the research topic lies in the rejection of classical forms of philosophical discourse, the need to rethink the problem of understanding in general, and the determination of the significance of such non-scientific ways of human cognition of the world as artistic creativity. The author shows that in philosophical hermeneutics, understanding is considered as a way of human existence that reveals ultimate meanings. Thus, in the process of understanding, a person does not reproduce or reconstruct the author's intent but creates, cognitively constructs their own meaning. At the same time, the "hermeneutic circle," in which subjects discover a common meaning, determines the possibility of approaching the ontological status of truth. It is revealed that Gadamer interprets art as the most effective way of understanding, since the perception of a work of art constructs its own present, the meaning of which often does not coincide with the creator's intent. Moreover, the aesthetic statement is conceptually inexhaustible, open to the infinite unfolding of meanings, and the involvement in the artistic creativity of past eras presupposes a new cognitive effort as a confrontation in anticipation of an actual meaning. The universal connections of being are hidden not only from ordinary reason but often also from theoretical reason, and the language of art determines the inexhaustibility of meaning, expressing universal symbolic features of reality in a single work or image.

For citation

Agafonova O.V. (2024) Printsipy konstruktivizma v germenevticheskoy estetike G.-G. Gadamera [Principles of Constructivism in the Hermeneutic Aesthetics of H.-G. Gadamer]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (12A), pp. 3-10.

Keywords

H.-G. Gadamer, hermeneutics, understanding, epistemological constructivism, aesthetics, art, truth, hermeneutic circle, conflict of interpretations, event.

References

1. Gadamer G.-G. (1991) Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of the beautiful]. In: Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 266–323.
2. Gadamer G.-G. (1991) O krughe ponimaniya [On the Circle of Understanding]. In: Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 72–81.

3. Gadamer G.-G. (1991) Estetika i germeneytika [Aesthetics and Hermeneutics]. In: Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 256–265.
4. Gadamer KH.-G. (1988) Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki [Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress Publ., 704 p.
5. Malakhov V.S. (1991) Filosofskaya germeneytika Gansa Georga Gadamera [Philosophical hermeneutics of Hans Georg Gadamer]. In: Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [The Relevance of the Beautiful]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 324–336.
6. Mikeskina L.A. (2002) Filosofiya poznaniya. Polemicheskiye glavy [Philosophy of knowledge. Polemical chapters]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 624 p.
7. Panaiotidi E.G. (2009) Esteticheskiy kognitivizm i problema khudozhestvennoy istiny [Aesthetic cognitivism and the problem of artistic truth]. Vestnik RUDN, [Bulletin of RUDN]. Seriya «Filosofiya», (2), pp. 28–35.
8. Rikor P. (2002) Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow: "CANON-press-C"; "Kuchkovo pole" Publ., 624 p.
9. Saprykina Ye.V. (2014) Konstruktivizm i problema ponimaniya v sovremennom filosofskom znanii [Constructivism and the problem of understanding in modern philosophical knowledge]. Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya [Humanitarian and legal studies], 3, pp. 140–143.
10. Sidorova U.V. (2009) Ponimaniye kak germeneyticheskiy fenomen v filosofii KH.G. Gadamera [Understanding as a hermeneutic phenomenon in the philosophy of H.G. Gadamer]. Vestnik YUUrGU [Bulletin of UUrGU], 9 (142), pp. 136–140.
11. Skvortsov I.S. (2015) K vyskazyvaniyu G.-G. Gadamera: «V khudozhestvennomopyte my vidim deystviye podlinnogo opyta...». [On the statement of G.-G. Gadamer: “In artistic experience we see the action of genuine experience...”]. Fenomen esteticheskogo opyta v filosofskoy germeneytike [The Phenomenon of Aesthetic Experience in Philosophical Hermeneutics]. In: Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl [Historical and Social-Educational Thought]. Vol. 7, 5, Part 1. pp. 161–164.
12. Tausneva A.S. (2016) Esteticheskaya teoriya I. Kanta v svete germeneyticheskogo proyekta KH.-G. Gadamera [Aesthetic theory of I. Kant in light of the hermeneutic project of H.-G. Gadamer]. Kantovskiy sbornik. [Kantovsky sbornik], 2, pp. 67-71.